Гюбнера или Будея. В таком случае Антонин Шимонек должен был сотрудничать с Ф. Кроликом, а может быть — с Воейковым или М. Суворовым. Не под влиянием ли разговоров с ними он усвоил те мысли, которые в 1722 г. излагал в обращении к Карлу VI: в интересах Австрии считаться с «великим народом», т. е. с Россией, и укреплять дружественные связи между Россией и Чешскими землями. Высокая оценка роли русского народа, которой придерживался А. Шимонек, австрийским властям не понравилась. Недовольство было столь значительным, что сотоварищу русских гостей пришлось в июле того же года оправдываться перед пражским наместничеством и доказывать свою лояльность! [42]

Кроме того, у русских людей были и бытовые, повседневные соприкосновения с чешской национальной средой. Не свидетельствовал ли, например, о том брак М. Суворова с некоей чешкой по имени Анна Георгиевна (стало быть, ее отца звали Иржи), о принятии которой в православие М. Суворов просил Синод в 1724 г.[43]

* * *

К 1721 г. все члены русской группы уже вернулись из Праги домой. Но едва ли не один Ф. Кролик какое-то время занимался продолжением литературной работы, завершая перевод двух последних томов лексикона И. Будея. Об этом свидетельствовало доношение Ф. Кролика в Синод с просьбой отпустить ему потребное количество бумаги: «Понеже святейший правительствующий Синод изволил мне нижепоименованному приказать два последние тома автора Будея с немецкого на российский язык переводить, того для о выдаче бумаги, на оной перевод святейший правительствующий Синод что соблагоизволит».[44] Вообще же «пражане» долгое время были вынуждены обивать пороги правительственных учреждений с просьбой об определении на какое-либо место. Так, по ходатайству М. Суворова «о приеме ... с привезенным из чешской Праги переводом и оригинальными книгами» [45] и на основании доношения штатс-контор-коллегии он был в 1721 г. определен справщиком и переводчиком Синодальной типографии.[46] Пробыл он в этой должности недолго и после 1724 г. уехал с семьей в Сербию как миссионер. Остальные «пражане» были устроены в качестве мелких правительственных чиновников.

Все, что они успели выполнить в Праге, было сдано на хранение в Синодальную типографию и, кажется, осталось без движения. Так, у М. Суворова привезенные из Праги материалы были приняты цейх-директором Синодальной типографии М. П. Аврамовым и по его распоряжению «оные вышереченные книги, называющиеся лексикон и вышереченные числом тетради переводу отданы для сохранения ... Андрею Евреинову».[47] Судя, однако, по документам из архива Синода, часть переводов осталась на руках у переводчиков. Какова была дальнейшая судьба пражского литературного наследия? Не исключая возможности находок, А. В. Флоровский все же пессимистически предполагал: «К сожалению, рукописи переводов, выполненных русскими сотрудниками пражских иезуитов в их пражской „кляштере“, как выражался Петр Великий, не сохранилось».[48] Поскольку в архиве Синода нам

---

[42] A. V. Florovský. Prameny k ruským dějinám doby Petra Velikého v českých archivech a sbirkách. — Sborník archivních prací, roč. 18, N 2, 1968, s. 536—537.
[43] ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 463, л. 1 об.
[44] ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 4, л. 1.
[45] ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 467, л. 1.
[46] Там же, л. 2.
[47] Там же, № 318, л. 2 об., 3 об.
[48] А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 444.